

После всего произошедшего отношения с Эрбином изменились до Знакомого. Теперь староста подсвечивался серым, что говорило о его нейтральности, хотя негативное отношение последователей Бога Огулиса к моей скромной персоне никуда не делось. Но с этим можно было уже работать.

Я снял у Эрбина домик за 10 золотых (сдается мне, он сводный брат Лебуха, такой же жлоб) – возвращаться к Рублику было уже поздно, да и вряд ли в лесу аргримы предложат мне удобную постель. Поэтому, сославшись на добрую русскую поговорку «Утро вечера мудренее», которая для последователя Лока была практически руководством к действию, поужинал в местной скромной таверне и отправился спать.

За все время пребывания в игре я не помнил ни одного сна, но нынешний почему-то засел в голове. Мне приходилось сквозь туман пробираться вперед. Ноги поминутно вязли то ли в снегу, то ли в воде. Разглядеть что-либо не получалось, но я с упорством слабоумного барана вышагивал все дальше и дальше. Наконец пелена расступилась, словно некто просто включил в задымленной комнате большой промышленный пылесос, и я увидел ее... Немолодая высокая женщина, с печатью былой красоты на лице, смотрела на меня. В руке ее сверкала небольшая вещица, которая приковало мое внимание. Долго смотреть на предмет не представлялось возможным – от ключа, а почему-то я знал, что это именно он, рябило в глазах, и мелькали мутные пятна-зайчики, верные спутники молодых сварщиков. И только я протянул руку, как бах...

На улице только-только светало. Хло мирно посапывал, свернувшись калачиком и зажав руки между ног – значит, еще действительно рано. Телохранителя нельзя было назвать лежебокой. А вот мне больше не спалось. Станный сон. Что бы он значил? Женщина держит Ключ Отца. В том, что именно этот артефакт я видел, сомнений не было. Хотела ли она отдать мне его? Вопрос. И почему женщина, а не сам Отец. Кто она такая?

Размышлял я, наверное, час или два. Впрочем, без особого успеха. Слишком мало исходных данных. С другой стороны, сон в игре вряд ли является обычным делом. Раз я своего рода код, часть общей программы, то увиденное неслучайно.

Хло заворочался и поднялся на ноги, удивленно глядя на меня. Ну да, встал я спозаранку, чего изумляться, может, бессонница замучила. Но фейра лишь выдавил.

– Хозяин. Странное имя.

Ах точно, новый день – новая погремуха. Чего там нам Лок придумал? Я нашел кувшин и налил немного воды в тарелку. А как еще всмотреться в свое отражение? «Алонсо Кихано». Действительно странное имя. Нет, его обозначение я, слава Богу и Елене Феоктисовне, преподавателю зарубежной литературы, знал. Это настоящее имя дон Кихота. Но какое отношение это имеет ко мне?

Если с Одиссеем можно себя как-то соотнести – тоже путешественник и искусный (полюстил я себе) лучник, то какой из меня дон Кихот. Я понимаю, что Лок божество, в него загружено огромное количество информации, но на кой ляд там наша, невыдуманная, литература?

– Вставай. Надо сваливать отсюда к аргримам, пока деревня спит.

Я не собирался объясняться перед жителями и старостой, почему знакомый им персонаж вдруг сменил имя. Меньше знают – крепче спят. Жаль только, что позавтракать по-людски не получится. Опять на вегетарианский сухпак переходить, которым предусмотрительно запасаю фейра.

Снаружи было на удивление тихо. Стражников со стены не убрали, хотя караульных явно стало меньше. Уже неплохо. Лес только просыпался, подернутый клоками тумана и свежей крупной росой. Фейра уверенно топал босыми ногами по холодной траве, прокладывая новый путь среди зарослей колючего кустарника и молодых худеньких деревьев, робко поднимающих свои верхушки к солнцу.

А может уйти бирюком в эту непроходимую и нелюдимую глушь, стать частью лесного народа, приятелем аргримов, получить какой-нибудь класс рейнджера или егеря. И не надо опасаться за свою жизнь, не надо дергаться при каждом шорохе или вглядываться в первого встречного, надеясь на низкий уровень. Рационально и практично.

Я с тоской вспомнил пугающий и манящий шум Локтра, посиделки с Локом, свой крохотный магазин и... Сетту. То есть Свету. Нет, не смогу. Захандрю в первый же месяц. Лучше день прожить орлом...

- Человек..., - раздался тягучий, как засахаренный мед, стекающий из борта, голос моего знакомого аргрима Рубля. Надо же, не заметил, как отмахали километра три, навскидку именно столько от деревни сюда идти. - Ты доказал, что достоин называться нашим другом... Отныне тебя всегда рады видеть в Шипастом Лесу.

Получено звание «Друг Леса».

Все mobs, местом обитания которых является Лес, воспринимают вас как нейтральный объект. Отношения с лесным народом увеличиваются на два пункта. Текущий уровень - Приятельство.

Ваши отношения с Хло улучшились. Теперь вы Друзья.

Фейра смотрел на меня глазами преданной собаки, аж неудобно стало. Да, да, прости меня дурака, что чертыхался на тебя вчера, винил во всех смертных грехах. Вслух, конечно, не сказал, я ведь и ругал его про себя, так что карму восстановил. Это получается... у меня теперь отношения со всей расой фейр повысились. Как бы это использовать?

- Это еще не все... Я должен показать тебе кое-что, друг... Иди за мной.

Показать? Дай угадаю: лес, опушки да пеньки? С другой стороны, отказать новому другу как-то не с руки. Зашибет еще, потом поминай как звали. Делать нечего, пошли, Рубль.

Земля вздыбилась под аргримом, обнажив его толстые и слишком подвижные для дуба корни. Сейчас сын леса напоминал паука, к которому приклеили деревянную болвашку. Выглядело довольно угрожающе. Единственное, что успокаивало - зеленый ник Рубля. Зеленый - значит дружелюбный.

Несмотря на кажущуюся неповоротливость, аргримм чуть ли не летел вглубь леса, перебирая своими длиннющими ногами-корневищами, а нам с фейрой приходилось бежать на пределе своих возможностей. Мимо мелькали деревья, становясь все выше и шире, изредка проскальзывали лица забавного животного люда, неутоптанной листвы под ногами становилось все больше, что говорило о редкой проходимости этих мест.

И все же в какой-то момент моя нога вдруг оступилась, найдя неожиданную опору там, где ее быть не должно. Сапог глухо шлепнул по камню, самому настоящему, наподобие того, каким были выложены улицы Локтра. Мы бежали по дороге, вымощенной так давно, что лес поглотил ее, сделал невероятным миражом в этом забытом всеми Богами месте. А потом стали попадаться статуи... Разрушенные временем, почерневшие от бесчисленных дождей и

поросшие мхом. Я лишь смутно угадывал очертания мужчин и женщин, воинов и волшебников, людей и фейр...

Вы прибыли в Йоран, разрушенный город.

А ведь и правда, большое потерянное во времени поселение. Вот тут остатки городской стены, там остовы просевших домов, здесь сгнившие части крыш, разбросанные прошедшим ураганом. Когда-то здесь был город, не самый большой, но и не крохотный. Соответственно, где-то рядом проходил тракт. Что же произошло? Почему теперь все в таком запустении?

– Рубль, а что это за место?

Аргрим перешел с бега на шаг, и его голос приобрел новые, незнакомые нотки. Неужели это грусть?

– Перед тобой все, что осталось от величественного и гордого Йорана... одного из самых больших и богатых городов Тойрина... Йоран находился в центре всех торговых путей... многие называли его второй столицей... Сам Локтр не мог сравниться в красоте...

Рубль замолк, будто скаковая лошадь, что споткнулась на полном ходу и полетела кубарем, рискуя сломать шею. Я тактично молчал, ожидая, когда аргрим возьмет себя в руки.

– В Йоране был самый большой храм, посвященный всем Богам... Но со временем люди стали забывать свои истоки... Появилось много богохульников... Трудно говорить, я могу показать.

Ветви-руки зашуршали, сплетаясь между собой и образуя сучковатое жесткое сиденье. Блин, страшновато, конечно. Но не менее любопытно. Я осторожно уселся на импровизированное кресло, и тут же меня оплело со всех сторон, окружив горькими пряными листьями и не давая возможности сдвинуться с места. По лицу потек густой липкий сок, заливая глаза, нос, рот. И белый свет померк.

Храмовая площадь Йорана пестрела местным и приходящим людом. Горбатели спину имперские паломники, что пришли посмотреть на самый большой пантеон основным ста двадцати восемью богам, важно расхаживали жрецы, благословляя прихожан, склонялись перед величественными статуями, проходя мимо, жители. Все было как всегда, как многие годы до этого и многие годы после... должно было быть.

Я не понял, когда вдруг появился худой человек в оборванный хламиде, с грязным лицом и смешно оттопыренными ушами. Он стоял в центре площади, мешая людскому потоку, и насмешливо глядел на проходивших, скаля желтые кривые зубы и нервно помигивая правым глазом. Остальные не замечали его или старательно делали вид, что оборванца здесь не было, не могло быть. Вот только он заговорил:

– Неужели вы думаете, что они, эти глупые истуканы, вас слышат? – голос нищего в образовавшейся тишине разносился раскатистым громом. – Вы видели хоть одного живого, настоящего Бога? Вы возносите им хвалу, приносите жертвы, но там никого нет. Это попросту пустышка, огромный мыльный пузырь.

Бродяга расхохотался безумным смехом. Хотелось заткнуть его, заставить молчать, но я стоял столбом, как и все остальные.

– Что вам дали ваши Боги? Я скажу, ничего. Но вы продолжаете с упорством идиотов убивать во славу Мерта, проигрывать сотни золотых для покровительства Бейреша и годами

медитировать, чтобы познать мудрость Линории. Может, настала пора с этим покончить?

– А он прав, – взволнованно заговорил худой малосочный драман. Я его знал, это портной, Мейшер, кажется. – Годами я жертвовал золото алчному Векке и его жрецам. И что думаете, разбогател? Боги не помогают нам. Им плевать. На всех и каждого.

Искорки недовольства и неодобрения равнодушием Перворожденных стали вспыхивать тут и там, как догорающие угли, вновь раздутые ветром. Жрецы и послушники пытались успокоить толпу, но как нескольким людям справиться с озверевшим и раздраженным монстром, чьей целью было лишь одно – крушить и ломать? Сверкнул первый клинок, пролилась первая кровь, упало первое безжизненное тело. Невесть откуда взявшиеся веревки накинута на шеи Темных Богов, как называли их в народе. Сначала одну, вторую, третью, четвертую... Бах, и статуя грянулась оземь, расколовшись на огромные куски. Та же участь постигла Серых и Светлых Перворожденных. Десятки статуй падали и разбивались по прихоти людей. Скопищу разъяренных безумцев уже было без разницы, что крушить, потому что... внезапная догадка ударила по голове и заставила нервно оглядываться.

Если это правда, она должна быть где-то здесь, руководить, направлять. Я скользил по толпе взглядом и вдруг увидел Её. В черной сутане послушницы, скрывающая под капюшоном свое лицо и, судя по трясущимся плечами, беззвучно смеявшаяся посреди общего помешательства. Среди нас стояла Богиня, одна из многочисленных Темных – сумасшедшая Берел. Та, в чьей власти находилась сейчас вся площадь.

Заметно потемнело, солнце испуганно спряталось за завесу туч, а мрак сгустился в черное облако и тут же развеялся, открыв моему взору огромного мужа с надменным и суровым лицом, облаченного в угольного цвета одежды с серебряным амулетом – восемь равноудаленных стрел, выходящих из одной точки и смотрящих в разные стороны. Я знал, как подобный талисман зовется в народе – знак Хаоса.

– Огулис, остановись, – сверкнула в небе молния и, ударившись о землю, превратилась в сияющего воина. Смотреть на него было больно, а голос мужа гремел над всей площадью.

– Иди к папочке, Фиорел. Тут собрались взрослые дяди. Мерт... брат!

Огромный рослый рыцарь, закованный в черную броню поднялся из тени Огулиса и, не медля, бросился на Светлого Перворожденного. Оглушительно лязгнули, скрестившись, мечи, на месте боя зарябили светлые и темные блики, и две фигуры закружились в бешеном танце.

– Я проклинаю этот город, всех его жителей... Пусть...

Его голос заглушило появление светлоликой красивой женщины с капризными чертами лица. Она метнула ослепительный дротик, явно целясь в Огулиса, но Берел, выскочив из-за спины брата, перехватила пилум и бросилась на сестру. Я изумленно смотрел на амулет светлоликой – это же Аноба, Богиня Любви.

Словно грибы после дождя, одновременно выросли серые тени – пузатый карлик, молодой парень с кривым носом, печальная девушка с потухшим взглядом, точеная загорелая красотка и обтянутый тонкой кожей сухой старец. Все как один... Перворожденные.

Я видел амулет последнего из прибывших Серых Богов – тот, кого шепотом зазря называли Безносый, а Отец нарек его Тайнори, оскотитель жизни. Но и он прибыл поздно. Проклятие Огулиса сорвалось с языка, и ударило по Йорану всей силой, на какую только был способен Перворожденный.

Люди падали замертво, мгновенно лишившись того света, что теплился в их телах, не в силах противостоять божественной мощи, но Тайнори поднял руку. Он был недоволен. Казалось, я слышал его мысли, хотя тот молчал – «смерть подвластна только мне, сопляк».

Перворожденный не смог отразить Проклятие Огулиса, но придумал, как изменить его суть. Заклинание накладывалось на людей, поэтому Тайнори повернулся к Бейрешу, непредсказуемому глумливому юнцу, богу Случая. Тот хлопнул в ладоши, и выжившие стали вытягиваться, становясь выше Перворожденных, их кожа стала грубеть, вместо рук выросли ветви, а ноги, обернувшись в корни, проросли в землю. Мы выжили, но перестали быть людьми. Мы стали аргримами.

Я еще долго стоял там, не в силах уйти. Стоял и смотрел, как прибывают все новые и новые Перворожденные, сражаются, ранят друг друга, умирают... Если они в силах были умереть. Сильные Боги убивали слабых, Темные – Светлых, Светлые – Серых, Серые – всех без разбора. Весь пантеон оказался в тот день на земле, чтобы сойтись в последней битве, Великой Битве. А я стал ее невольным свидетелем.

Когда Перворожденных осталось всего одиннадцать, и было видно, что никому не одержать верх, Тайнори прибегнул к последнему средству – молитве Отцу. И все прекратилось. Перворожденные исчезли, ушли из этого мира под сень Создателя. А мы остались здесь.

– Аааа! Аааа! – меня колбасило, выкручивая мышцы и выворачивая суставы. Еще мгновение, и боль чуть ослабла, но не исчезла полностью. Бедный Хло не успевал подлечивать меня, но судя по всему, опасность смерти отступила. Когда я смог членораздельно разговаривать, то сразу же спросил. – Какого хрена это было?

– Ты стал частью меня... частью аргрима... окунулся в мой разум и видел прошлое моими глазами... Человеку подобное трудно пережить... Но ты должен был увидеть... как произошел я и мои собратья... понять, почему мы здесь.

Табличку надо вешать: «Аттракцион «Вселение в аргрима». Осторожно, опасно для жизни!»

– Из-за Огулиса, – кивнул я. Теперь конечности просто ломило от тупой ноющей боли. Какая же жесть эти провалы в прошлое. – Я так понял, он не самый слабый дядька.

– Сильнейший из Темных... И сейчас, когда их осталось всего трое... и раньше... Но не из-за этого... Всею виной слово Бейреша, которое стало нашим спасением и проклятием... Мы не умерли, но перестали быть людьми.

– Грустно, конечно, но что я могу сделать?

В самом деле, чего от меня Рубль хочет? Да, я на короткой ноге с Локом, но после увиденного создается впечатление, что мой господин не самый крутой боевик в компашке божественных родственников. Он больше мозг, ленивый, пытающийся все время улизнуть от любой проблемы мозг, а никак не крепкие мышцы. Хотя кто такой тот же Бейреш? Веселый озорной мальчишка среди Перворожденных, непредсказуемый и слабо прогнозируемый.

– Я понимаю, что не в праве просить тебя о помощи... Но если ты найдешь способ обратить нас обратно в людей... то Сыны Леса будут безмерно благодарны тебе... Все богатство Йорана падет к твоим ногам.

Получено легендарное задание «Спасение или проклятие».

Давным-давно немногие из выживших жителей Йорана обратились в аргримов –

величественных Сынов Леса. Но людские души, заключенные в деревьях, тоскуют и жаждут вернуть себе истинный облик. Помогите им, и вам откроются великие дары заброшенного города. (Да/Нет).

У меня, как у известной вороны, «в зобу дыхание сперло». Сокровища затерянного города, до которого никто не добирался благодаря слишком бдительным стражам сто дофигидесятого уровня. Не утонуть в слюнях бы. Только одну минутку.

– А что будет, если я не смогу справиться с заданием?

– Я и мои собратья будем очень расстроены... Вряд ли мы когда-нибудь сможем еще раз поверить человеку.

Внимание. В случае невыполнения задания «Спасение или проклятие», звание «Друг Леса» будет утрачено.

Вот те здасьте. Весомая оплеуха в случае неудачи. Сейчас я могу спокойно чувствовать себя почти в полной безопасности, находясь среди лесных обитателей. Грубо говоря, забрался в самую чашу, где не ступала нога геймера, и можешь не бояться удара в спину. С другой стороны – великие дары Йорана, бывшего первым поселением по гешефту, где проходил самый большой торговый путь. Это не просто много денег, это офигеть как много денег. Дело даже не в том, что не придется больше работать, можно будет сколотить свою маленькую армию для защиты, основать поселение, да много чего. Перспективы проносились мимо быстрее, чем кадры киноплёнки.

– Сколько времени отводится на выполнение задания?

– Аргримы ждали века... Но всякому терпению настает конец... Если в течение трех полных лун ты не сможешь нам помочь... То надобно оставить всякие попытки снять проклятие... Аргримы смирятся со своей участью.

Три полные луны – это три лунных цикла, по двадцать восемь дней каждый. Итого почти четверть года на выполнение задания. Вот теперь думай, Кирилл Артемьевич, синица в руке, причем такая жирная, отожравшаяся и наглая птица, или не менее толстобрюхий, еле поднимающий свою тушу журавль... Жадность, жадность, не доведешь ты меня до добра.

– Я согласен.

– Мое сердце поет, человек... Я верю, что ты справишься.

Хотелось бы, ой как хотелось бы. Надо будет подлизаться к Локу да вывести все о божественных проклятиях, как только вернусь в Локтр. Может, силы Ленивого хватит, чтобы самолично снять заклятие?

– Но это еще не все... Даже, если ты не сможешь помочь нам... а аргримы уйдут в вечность... или полностью превратятся в деревья без человеческих душ... Йоран не должен уйти вместе с нами... Это великий город, и не менее великий человек должен его возродить...

Получено уникальное задание «Новые стены старого города»

Улицы Йорана покрыты вековой пылью, дома превратились в жалкие руины, а вместо главной площади лишь груда мусора. Восстановите хотя бы 1/10 часть города, чтобы былая слава Йорана вновь загремела на весь Тойрин.

Ну ты уж махнул, Рубль. Я же не градостроитель, у меня ни образования, ни денег, ни связей в муниципалитете. Какой мне приколы от этого возрождения Йорана? Я открыл книгу.

Уникальное задание «Новые стены старого города»

Вознаграждение: Неизвестно.

Штраф при провале задания: Отсутствует.

Время выполнения: Бессрочное.

Хм, а может, и есть смысл. Только в том случае, если я выполняю квест на аргримов. Тогда в моих руках оказываются несметные сокровища, и вуаля – можно построить поселение. Тем более по квесту нужна лишь 1/10 часть от бывшего Йорана. Да, целый город, конечно, круто, но почему нет? Пусть цель будет глобальная, на которую требуется смотреть, высоко задрать голову. Я перечитал.

Время выполнения: Бессрочное.

Так его, получается, и провалить нельзя, если только сам откажешься. А не выполняю, пущай болтается в книжке, ну станет на одну страничку больше, так еды и денег не просит же. А если еще и вспомнить, что задание легендарное... то есть что-то интересное за него должно быть...

– Принимаю!

– Твоя помощь неоценима, мой друг... Надеюсь, у тебя все получится.... Жаль, что не все люди такие.

Ну еще бы. А скольким ты дал шанс себя проявить, прежде чем свернуть башку? Сам же хотел меня мехом внутрь вывернуть при первой встрече. И кабы не Хло, то так бы и вышло. С другой стороны, если не телохранитель, то и вряд ли встреча состоялась. В общем, если нужно будет найти виноватого или крайнего, спишем все на терпеливого фейру.

– Пойдем, человек... Я покажу тебе свой город... Даже в разрушенном состоянии он сохранил крупницы бывшего величия...

Думаю, что сейчас «нет, спасибо, мне еще домой бежать надо, кажись, уют не выключил» не проканал бы. Пришлось с самым добродушным видом плестись за аргримом. А тот все не унимался.

– А потом... если будет время... я познакомлю тебя с еще одним своим другом...

– Аргримом? – то ли кивнул, то ли спросил я.

– Нет, она человек... Наполовину... Только больше тебя... И ее глаза полны черной скорби... Она живет недалеко.

Еще человек? Что же ты молчал, дубина стоеросовая. А прямо сейчас к ней отправиться нельзя? Я хотел еще много чего сказать, но Рубль уже отправился вглубь разрушенного города.